

Кое-что о "Скрипке Ротшильда"

ЭКСКЛЮЗИВ

Ольга МАРШЕВА

Кинематограф "отметился", выпустив к 90-летию со дня рождения Д. Шостаковича "Скрипку Ротшильда", фильм с названием и сюжетом, взятым из одного произведения композитора.

Как несколько раз было объявлено в тот юбилейный вечер в московском Киноцентре, больше никто в России эту картину, похоже, не увидит. Совместная с французами и венграми постановка с российским актером Сергеем Маковецким в главной роли не будет иметь ни широкого проката, ни единичной демонстрации на телевидении. Снятая как бы вне времени и совершенно не рассчитанная на обыкновенного зрителя, она в любом случае не собрала бы полный зал кинотеатра, а в вечернем эфире неизбежно воспринималась бы как "приуроченная к дате", чего, похоже, авторы изо всех сил старались избежать. В сущности, "Скрипка Ротшильда" не о Шостаковиче как таковом, а об одноименной опере, начатой любимым учеником композитора и законченной им самим по причине гибели молодого автора во время войны. Посередине фильм прерывается, и вместо сюжета идет опера, исполняемая венгерскими актерами на русском языке. Спустя минут десять после ее начала начинается робкая миграция из зала в общем-то благодарной публики Киноцентра. Наиболее терпеливые досиживают до окончания основной драматургической линии. Что, признаюсь, дается нелегко. Похоже, режиссер старался угодить всем — и любителям кинооперы, и любителям биографических лент, и венграм, которые поют, и русским, у которых Сергей Маковецкий — любимец, и французам, специально для которых — "клубничка" в виде хроникальных кадров первомайских шествий по Красной площади, неизменно смеющегося Сталина и лубочного Елисеевского гастронома, снятого в интерьерах эстонского кафе.

Маковецкий — практически универсальный актер, который может сыграть все. Но для актера такого ранга особенно важна сильная драматургия.

Что совершенно отсутствует в "Скрипке Ротшильда". Если бы режиссер задался целью показать великого композитора как человека, актеру бы это, безусловно, удалось. На вступительном слове к фильму Маковецкий сказал, что интересовал его не музыкант, а человек, который всю свою жизнь боялся милиционеров и которому в глаза говорили, что его оперу никогда не будут слушать советские люди. Но в данном контексте создателей фильма Шостакович не интересовал. Задана лишь тема в диалоге композитора со своим учеником о "городовых" как типично русском явлении. Зритель должен провести явственную параллель. Продолжения этой темы вопреки ожиданиям не последует — взаимоотношения композитора с властью ограничатся встречей Шостаковича с чиновниками от культуры да постоянными перебивками хроникальными кадрами. Этого явно недостаточно, если мыслится фильм о Шостаковиче, и этого вполне достаточно, если предполагалась экранизированная опера.

Как уже было сказано, в "Скрипке Ротшильда", хотели того его создатели или нет, переплелось несколько "актуальных" тем. Во-первых, фильм явно "приурочен", во-вторых, затронута тема Власти и Художника, в-третьих, наконец, "еврейский вопрос". По фильму, Шостакович советует своему ученику-еврею создать оперу про евреев. Когда ученик погибает, композитор заканчивает ее, а позже создает цикл вокальных произведений на слова еврейской народной поэзии, сборник которой купил в какой-то букинистической лавочке. Опять начатая и не законченная тема, явно интересовавшая режиссера, но непонятно, к чему ведущая. Очень слабым представляется финал картины, когда Шостакович-Маковецкий выходит на улицы современной Москвы, увешанные рекламами "Макдональдса" и "Кока-Колы", и счастливо улыбается.

Многозначие — очень сложный знак. С одной стороны, он побуждает зрителя и читателя к раздумью, но с другой — может быть проставлен далеко не всегда. Взявшийся за тему одного из величайших композиторов столетия обязан дописать конец предложения, чтобы не прибавить к практически незнакомой фигуре Шостаковича еще один знак вопроса.

Культура. — 1996. — 19 окт. — С. 11.